

ДМИТРИЙ КРАНЦ

СПАСТИ АТЛАНТИДУ

РЕЙД НА ФАЗЭТОН

18+

Дмитрий Кранц
Рейд на Фаэтон

«Автор»

2026

Кранц Д.

Рейд на Фаэтон / Д. Кранц — «Автор», 2026

Артефакт, захваченный нацистским орденом «Аненербе»(окультная организация третьего рейха), не открыл свои секреты сумрачному немецкому гению. Обычный ловец «солнечного камня», промышляющий нелегальной добычей янтаря, спасая свою жизнь от безжалостных конкурентов, случайно пробуждает спящий механизм. Искатель удачи оказывается там, где господствуют неземные города, чуждые цивилизации и забытые знания. Новые враги не знают жалости, а их мощь превосходит привычное оружие. Вооруженный военным опытом, бывший диверсант принимает этот неравный бой. Но грань между триумфом и катастрофой стирается. А на Земле опять встречаются стрельбой. Как же спасти цивилизацию Атлантиды?

© Кранц Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дмитрий Кранц

Рейд на Фаэтон

Глава 1

Тибет 1938 год

Запах от шерсти напавшего вчера на лагерь огромного человекоподобного монстра до сих пор стоял в носу. Лемке казалось, что его спутники трансформируются в родственников этого застреленного ими йети.

— Что Вы там видите, Штеффенберг? Или ваш хваленый талант ослеп? — Голос Лемке противно скрипел, как несмазанный шарнир.

Доктор физики не ответил. Он стоял на коленях на полу небольшой пещеры в безымянной горе Тибета, прижавшись лбом к грани куба. Метр на метр на метр. Янтарный монолит не отражал свет фонарей — он его глотал. Абсолют, застывший в смоле допотопных лесов. Внутри, в самой глубине его медовой толщи, что-то шевелилось. Или это были просто зрительные галлюцинации самого Штеффенберга?

— Это не просто обычный камень, — наконец прошептал ученый, не оборачиваясь. — Это непонятное чудо. Невероятное. Если мы вывезем это и предъявим его научному миру, Гейзенберг повесится на собственном галстуке.

— Гейзенберг для нас не главное. Фюрер ждёт. — Лемке сплюнул на скальное дно. Слюна мгновенно превратилась в ледяную крупицу. — Сколько людей ещё осталось? Двенадцать? Вчера этот волосатый дьявол выпотрошил бедного Ганса прямо в спальнике. Зараза. Тихо, как ночная кошка. Вы слышали, как хрустели ребра?

— Я слышал, штурмбанфюрер. — Штеффенберг наконец медленно поднялся, пошатываясь. — Ганс был всего лишь набором атомов. Как и я с вами. Но этот артефакт важнее всего, ради него можно пойти на еще большие потери в личном составе.

Физик брезгливо обошёл непонятную кучу на пути к свежему воздуху на входе.

Лемке подошел ближе к артефакту. Его рука невольно потянулась к янтарию. Прямо тащило. От камня исходило тепло. Кончики его пальцев закололо тысячью игл. В голове на мгновение вспыхнул будущий Берлин: рукопожатие с Самим. Орден. Власть, дающая право на дорогой табак и французский коньяк. Да уж. А тут пока лишь одни проблемы.

— Тащите быстрее цепи, — скомандовал Лемке в темноту коридора, где стояли выжившие солдаты. — И, если кто-то из вас ещё заикнется о проклятии или «снежном человеке» — я лично всажу пулю в его пустую башку.

Лемке смотрел, как под грубой тканью брезента проступает острый угол монолита. Под брезентом находился его личный билет в высший слой аненербе. Снаружи, за порогом надоевшей пещеры, завывал ветер.

Лемке зажмурился. Перед глазами всплыл кабинет на Принц-Альбрехт-штрассе. Негромкий, почти деликатный голос Гиммлера. Рейхсфюрер положил на стол тонкую папку, раскрыл и кончиком сухого пальца постучал по размашистой резолюции. Наверное, самый страшный человек в мире.

— Там не просто камень, Лемке. Там — большая надежда фюрера. Если мы доставим его в германскую землю, рейх станет непобедимым. Вы понимаете вес вашей ответственности?

Лемке понимал. Тогда проникся. Но сейчас «вес» перестал быть метафорой. Железные полозья, ранее сваренные ещё в базовом лагере, были под тяжестью добытого куба.

— Натягивайте, свиньи! — взревел унтер-офицер, когда полозья накренились над ледяным козырьком. Куб чуть было не упал. Унтер мечтал скорее свалить отсюда. Спуск был похож

на очень затяжную казнь. Невероятное напряжение всех. Люди работали как выючный скот. Каждый метр давался с невероятным трудом. Солдаты грезили о пиве в тёплом кабаке.

Штеффенберг шел рядом, касаясь рукой бока монолита. Физику было плевать на сорванные спины солдат и на то, сколько их останется к концу миссии. Его интересовала только аккуратность спуска — а куб двигался рывками. Это нервировало.

Спуск занял несколько дней, хотя поднялись к пещере за день.

Внизу, у подножия, ждал «Бюссинг-НАГ». Лемке подошел к кабине и ударил кулаком по водителю двери. Холодный металл отозвался глухо.

— Грузи. И чтобы ни одной небольшой царапины. Если камень будет поврежден — вы все останетесь здесь кормить этих милых тварей.

Водитель, с красными от недосыпа глазами, лишь уныло кивнул. Миленькое напоминание о твоём месте. Крюком манипулятора зацепил такелаж. Двигатель взвыл, рессоры грузовика просели. Шины с хрустом вдавились в гравий. Куб замер в кузове.

Штурмбанфюрер закрыл глаза, в сухом рту он почувствовал вкус шампанского. Он победил. Почти.

Порт Гвадар встретил их солёным удушьем. Немецкий сухогруз «Равенсбург» стоял у пирса, тяжело осев. Он сорвал график, ожидая секретный груз.

Стальные тросы портового крана натянулись до звона, вытягивая из механизмов надсадный вой. Куб в брезенте медленно поплыл над палубой. Команда поняла, что скоро уйдут в море.

Штеффенберг стоял у самого края люка. Мечта сбывалась. Только бы теперь без происшествий. Солнце жарило затылок, но физика бил озноб. Он не видел порта. Он не слышал ругани матросов и лающих команд Лемке. Его взгляд был прикован к темному монолиту.

«Это не просто камень. Это сгусток энергии», — заиклось в его голове. Вчера он украдкой поднес к янтарию детектор эфира. Стрелка не просто зашкалила — она замерла в крайней точке шкалы, а потом медленно погнулась. Тонкий алюминий не выдержал. Физика пугал собственный восторг перед этой штукой. Он будто чувствовал, как куб подавляет окружающий мир своей мощью. Все эти идиоты с учёными степенями будут ему завидовать.

Когда монолит опустили в трюм, корабельная палуба под ногами Штеффенберга нервно вздрогнула.

— Осторожнее, идиоты! — выкрикнул физик, его голос сорвался на противный визг.

Матросы презрительно посмотрели на него как на сумасшедшего. Погрузка как погрузка. Чего орать.

Лемке, стоя на мостике, рассматривал грязную пену за бортом. Для штурмбанфюрера это был трофей. Для Берлина — оружие. Для мира станет Рубиконом. Для Штеффенберга же куб стал научным алтарём. В мыслях доктора формулы академической физики рушились песочным замком. Этот янтарь родился не из смолы, а из чистой энергии. Может звёзд?

«Я стану первым, кто заглянет в эту тайну мироздания», — подумал физик, спускаясь по крутому трапу в темноту мрачного трюма. Куб спал внизу. Наконец появилась возможность подумать в тишине. И понять.

«Равенсбург» разрезал серую плоть Индийского океана. Штеффенберг наматывал круги вокруг куба шагами. Сорок семь кругов. Пятьдесят два. Его блокнот для важных записей был девственно чист. Куб молчал. Под брезентом он казался просто огромным куском окаменевшей смолы. Ни свечения, ни вибрации. Никаких признаков функционирования. Только матовая поверхность, когда приоткроешь, поглощала свет слабой лампочки.

— Ну же, заговори со мной, — прошептал физик, коснувшись шершавой ткани. — Ты не можешь быть просто обычным камнем.

Но гладить его он боялся. На всякий случай.

На палубе Лемке курил, прикрывая огонёк вонючей сигареты ладонью от ветра. Солёные брызги обжигали лицо, но мысли его были в далёком кабинете Гиммлера. Он будто снова видел те пожелтевшие листы из секретной папки. Донесение агента «Монах», внедрённого в британскую археологическую миссию еще в тридцать четвёртом: «...местные называют это "Сердцем Окаменевшего Времени". Трое проводников сбежали от ужаса, просто взглянув на него без покрова. Ламы утверждают, что это точка пересечения миров. Тот, кто владеет этим кубом, владеет временем и пространством...»

Гиммлер тогда снял пенсне и посмотрел на Лемке своими колючими глазами:

— Армии выигрывают битвы, штурмбанфюрер. Но такие вещи отменяют необходимость в больших армиях. Вы привезете мне ключ к нашей победе. И для Вас это не только Железный Крест.

Лемке выбросил бычок за борт. Ключ? Какой пафос. Пока что это был просто проклятый груз. Из-за него его люди гибли в снегах от когтей неведомых тварей.

Как всё надоело! Но вроде вышли на финишную прямую. Скорее бы сбросить это бремя на другого глупца.

Судно под ногами дрожало, но несло этот куб к берегам Пруссии. В Кёнигсберге в подвалах старого замка уже готовили большую лабораторию. Штеффенберг внизу снова начал свой круг. Пятьдесят третий. Нервы доктора были на пределе. Он не знал, что в самой глубине монолита крошечный пузырек воздуха на пару миллиметров переместился к центру. Но внешне куб не менялся. Он просто ждал сокращения дистанции к источнику силы до критической отметки. А доктор мотал пятьдесят четвёртый.

Балтийское море встретило «Равенсбург» свинцовой рябью и липким неприятным туманом. Ему было плевать на людские проблемы. Корабль шел уверенно, не зарываясь носом в холодную воду.

Где-то далеко Гиммлер нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

В трюме Штеффенберг сидел на корточках, прижимаясь спиной к холодной стальной переборке. Он не спал уже давно. Все мысли были связаны только с его великим будущим открытием. Взгляд физика не отрывался от монолита. На краях брезента проступила странная, сизая изморозь. И это в тёплом трюме. Она не таяла от жара лампы, а при прикосновении ощущалась как колючий песок. Физик соскрёб немного этого налёта ногтем и поднес к карманной лупе. Странно. Структура напоминала микроскопические правильные шестигранные соты. Всё больше и больше вопросов. И ни одного ответа.

— Он просыпается, — прохрипел он, во рту появилась какая-то горечь. — Он чувствует близость своего возрождения.

Наверху Лемке до боли сжимал в руке стакан с дешёвым шнапсом. Уже третий. Его мутило. Не от качки — «Равенсбург» шел необычно слишком устойчиво для осенней Балтики. Его мутило от нахлынувшего непонятного страха. Даже вездесущие чайки трусливо облетали судно по широкой дуге. Они словно наткнулись на невидимую стену. И тут же начинали гадить. Штурмбанфюрер достал из внутреннего кармана листок со схемой нужного причала в Пиллау. Гиммлер ждал в Берлине. Машины в Пруссии уже были высланы. Конвой СС должен был встретить груз прямо у трапа в Пиллау.

Лемке подошел к зеркалу и резко отшатнулся. Его отражение дёрнулось на долю секунды позже него самого. В этом микроскопическом зазоре между движением оригинала и его копией в зеркале Лемке увидел не себя, а пустую ужасающую тёмную оболочку. Он моргнул, и всё вернулось в норму. Холодный пот пропитал воротник рубашки. Штурмбанфюрер хлопнул ещё один стакан.

— Скорее бы берег, — процедил он сквозь зубы, глядя на стрелку компаса.

Стрелка не указывала на север. Она идиотски медленно описывала круг.

Неожиданно для Лемке куб в Пиллау погрузили на грузовик и перевезли паромом на косу Фрише-Нерунг. Как оказалось, приказ из Берлина.

Грузовик затормозил у свежепокрашенных ворот форта. Кирпично-бетонные сооружения казались вызовом естественным дюнам косы. Лемке вышел из кабины. Солдаты работали только сначала молча, их лица в свете переносных ламп напоминали театральные маски. Чертыхались, и не только. К своему удивлению физик смог расширить словарный запас. Куб перегрузили на снарядную тележку. Монолит медленно покатали вглубь в бывший артиллерийский склад форта.

Штеффенберг следовал за монолитом. Ящики вдоль стен содрогались, когда платформа проезжала мимо. В зале физик велел остановиться. Когда тяжёлая дверь затворилась, тишина стала осязаемой.

Всем стало не по себе.

— Оставьте нас, — бросил Лемке офицерам охраны.

Непонятная тревога переполняла него. Рука сама невольно потянулась к краю брезента. Было интересно, всё ли хорошо с кубом. Резкое движение — и грубая ткань упала на пол, громко шурша.

Янтарный монолит стоял в центре зала. Его грани теперь не поглощали свет. Они его преломляли. На стенах причудливые, движущиеся тени оживляли мрачную обстановку. Штеффенберг подошел вплотную, его зрачки расширились. Он увидел, что внутри куба пульсирует некая геометрическая структура. Это будто была не материя, а фантазия создателя, пойманная в ловушку.

— Вы осознаёте? — прошептал ученый. — Мы наконец сможем провести все исследования. По итогу нас ждёт великое открытие.

Лемке хотел ответить, но слова не находились. Он посмотрел на свои часы: стрелки уныло стояли на месте. Артефакт начал обживать новое пространство. Старые законы этого мира больше не имели здесь обычной силы.

Лемке остановился посреди угрюмого зала. Ну вот, теперь эта тюрьма. Вместо берлинского кафе. Эхо его сапог утихло в низких сводах. Он обернулся к Штеффенбергу, посмотрел в глаза. В нем росло раздражение человека, привыкшего к ясным действиям. Штурмбанфюрер сорвал фуражку и вытер вспотевший лоб платком.

— Почему здесь, доктор? — спросил Лемке взволнованным шёпотом. — В Кёнигсберге нас ждали лаборатория университета, комфорт и нормальный свет. Здесь только крысы и плесень. И Гиммлер не оценит это отступление от маршрута.

Штеффенберг даже не взглянул на него. Он водил дрожащими пальцами в нескольких сантиметрах от плоской поверхности монолита. Его лицо в свете неярких лампочек казалось вырезанным из старой доски. Учёный медленно повернул голову, и Лемке увидел в его глазах фанатичный, лихорадочный блеск. Такой обычно предшествует либо великому открытию, либо окончательному безумию. Стало совсем не по себе.

— Гиммлер в курсе. Вы мыслите не теми категориями, штурмбанфюрер, нужно мыслить категориями резонанса, — физик криво усмехнулся. — В глубине этой косы лежит самый большой в мире пласт янтаря. Сотни тысяч тонн окаменевшей крови земли. Вы понимаете? Наш артефакт разбудит огромную энергию. — продолжал физик. Его дыхание на мгновение оставляло на холодном янтаре пятна пара.

— В Тибете он спал, потому что вокруг были только мертвые скалы. Здесь он услышит своих янтарных братьев. Миллионы тонн смолы ответят ему. Мы не просто привезли его в Пруссию, мы положили сердце обратно в грудную клетку. Слушайте.

Лемке невольно затаил дыхание. И тогда он услышал: глубоко под фундаментом форта, там, где соседствовали песок и доисторическая органика, раздался низкий, вибрирующий гул. Это не был звук — это было давление, от которого резко заломило зубы. Монолит в центре зала

вдруг дернулся, на долю миллиметра повернувшись вокруг своей оси. В глубине его медового нутра вспыхнула крошечная горсть злых искр. Она была точной копией созвездия, которого нет на небе этой планеты. Правда люди это не заметили.

Глава 2

Восточная Пруссия 1941-1945 год

Лемке не любил эти старые крепости, холодные и сырые. Форт «Западный» настойчиво вонял водорослями и ржавчиной. Он олицетворял разбитые мечты о Берлине. Под сводами каземата бывший штурмбанфюрер, теперь уже штандартенфюрер, смотрел на куб.

Монолит занимал центр помещения. Он был цвета настоявшегося тёмного мёда. Почти метр в каждом из трёх измерений. Штеффенберг уныло возился с осциллографом. Еле шевелился. Его пальцы дрожали. Физик уже давно недосыпал постоянно.

— Он гудит, Лемке. Слушайте! — громко сказал Штеффенберг. — Ваши ламы хранили не просто непонятный артефакт. Это камертон. Под нами, в линзах реликтового янтаря, просыпается отзыв на его призыв. Когда резонанс эфира возникнет, мы дотянемся до гигантской энергии.

Лемке подошел ближе. На гладкой поверхности куба ни единой царапины. Гиммлер жаждал чуда, ключа к эфиру, а получил лишь проклятую загадку. Штандартенфюрер привычно поправил кобуру. Тяжесть люгера успокаивала, хотя в данном случае свинец его патронов был бесполезен.

Штандартенфюрер понимал, что Берлин пришлет не инспекцию, а зондеркоманду, если в кратчайший срок монолит не выдаст хотя бы начальную порцию контролируемой энергии. Маячившая перспектива приводила в глубокое уныние.

— Берлин не верит в резонанс, доктор. Берлин верит в сроки, — Лемке выделил слово «Берлин», напоминая тем самым всю меру ответственности. — Вчера пришла депеша. Гиммлер спрашивает, почему «мотор богов» до сих пор не питает машины рейха. Вы случайно не слышите приближающийся лязг затворов?

Штеффенберг нервно повернул ручку настройки. На экране осциллографа фигура Лиссажу превратилась в хаотичный клубок. Где-то глубоко раздался гул. Тягучий такой.

— Посмотрите на свои руки, штандартенфюрер, — прошептал физик.

Лемке взглянул. Кожа начала еле-еле фосфоресцировать янтарным светом.

Желтая пыль кружилась в воздухе, складываясь в непонятные объекты. Это не подчинялось законам физики.

Лемке почувствовал, как затылок налился свинцом, когда гул в каземате перешел в свист.

Физик обернулся с искаженным лицом. Он ткнул пальцем в сторону куба. В его прозрачной глубине показались мутные всполохи. Лемке подошел вплотную к кубу и ощутил запах озона и вроде бы смолы.

— Монолит не выдает энергию, Лемке, он ее потребляет, — голос Штеффенберга сорвался на хрип. — Мы привезли из Тибета не батарейку. Сейчас под всей Косой начинает ворочаться то, что спало со времен палеозоя. Пласты янтаря косы черпают энергию эфира и транслируют ее в монолит.

Штандартенфюрер вытащил из кармана серебряные часы. Стрелки привычно застыли, хотя пружина была заведена до упора. Воздух в радиусе трёх метров от монолита стал вязким. Каждое движение требовало невероятных усилий воли. Лемке вспомнил слова тибетского монаха о том, что камень нельзя мерить метрами, его нужно мерить веками. Он только сейчас осознал, что Гиммлер в своем оккультном безумии случайно отыскал. Это явно инструмент богов, не предназначенный для человеческих рук.

Внезапно надоевший гул прекратился, сменившись абсолютной тишиной. Было даже слышно, как капля конденсата срывается со свода и со стуком разбивается о грань куба. Лемке внезапно увидел свое отражение в янтарной поверхности. Он был состарившимся, с пустыми глазницами. Конечно, испуганно отшатнулся.

Лемке шагнул к пульту. Штеффенберг не оборачивался. Его затылок был похож на мишень. Штандартенфюрер мысленно выбрал точку прицеливания. Пальцы физика бешено крутили верньеры. Вольтметры лихорадочно дёргали стрелками в красной зоне. Они были не в силах измерить поток непознаваемой энергии.

—Выключи всё это, доктор, или я прекращу твои мучения на этой земле,— голос Лемке прозвучал тускло. Он было потянулся к кобуре, но рука ощущалась чужой, тяжёлой. Монолит за их спинами как будто начал дышать. Это были медленные циклы пульсации, которые безошибочно фиксировал вестибулярный аппарат.

Штеффенберг засмеялся. Это заставило Лемке вздрогнуть. Физик обернулся. Штандартенфюреру почудилось, что в зрачках доктора отражаются не лампы каземата, а чужие, холодные звезды.

—Выключить? Я не в силах это сделать, штандартенфюрер. — слова доктора прозвучали как приговор.

Лемке понял, что монолит не просто нашёл контакт с залежами янтаря под Косой. Он изменяет свое окружение, всю окружающую действительность. Осталось только ждать финала всей этой аферы.

В апреле сорок пятого Красная Армия агрессивно вгрызалась в Кёнигсберг. Воздух над городом наполнился взвесью из кирпичной крошки и копоти. На окраинах проснулись стальные чудовища — 305-миллиметровые гаубицы образца пятнадцатого года. Их притащили из далёких складов спецрезерва как раз для этого финала. Русские расчеты работали молча, слаженно. Казённый с мягким клацаньем принимал в себя стальную тушу снаряда весом в триста семьдесят семь килограммов. Когда звучала команда, земля содрогалась. Ударная волна выбивала остатки стёкол у близлежащих зданий. Барабанные перепонки лопались у неосторожных, не закрывших уши артиллеристов. Снаряд улетал в серое небо с неожиданной лёгкостью. Через несколько секунд горизонт вздувался серым грибом. Бетонные перекрытия фортов кололись, как яичная скорлупа. В небо летели фонтаны пыли и обломков кирпичей.

Штурмовые группы пробирались к проломам в стенах. Огнемётчики короткими перебежками стремились к оголовкам воздухопроводов. Когда пущенная ими струя «коктейля» врывалась в узкое горло вентиляции, она выжигала в помещениях кислород за секунды.

Внизу огонь не выбирал целей. Он просто заполнял собой пространство, превращая закрытые коридоры в раскалённые духовки. Железо плавилось, стекая по стенам чёрными слезами. Те, кто не успел осознать конец, видели лишь ослепительную вспышку. Снаружи гаубицы продолжали свой методичный ритм, сравнивая город с землей. Снаряд за снарядом ложились плотно, до детонации погружаясь полностью в землю как будто гвозди в крышку гроба Германии. А потом в один миг вырывали огромные братские могилы для защитников последнего оплота Пруссии.

Стены форта «Западный» тоже дрожали от взрывов. Со стороны Пиллау гаубицы вели свой методичный обстрел. Лемке стоял возле вздрагивающей стены. Он вспоминал свои несбывшиеся мечты о славе, власти и роскоши...

Штеффенберг стоял на коленях у основания монолита. Он пытался закрепить подрывной заряд. Его стон тонул в грохоте обрушивающихся перекрытий. В соседних помещениях сверху через вентиляционные шахты уже потекли ревущие струи советских огнемётов. Воздух

превращался в раскалённый ад. Доктор бросился к нише в стене, словно там было спасение от огненного океана.

Лемке выхватил люгер. Сухой щелчок выстрела почти не был слышен в хаосе штурма — Штеффенберг просто ткнулся лицом в холодную поверхность стены. Лемке бросился к выходу. Он надеялся проскочить через главную потерну, пока еще был шанс. Штандартенфюрер добежал до входного портала, когда недалеко сдетонировал подрывной заряд, брошенный в вентиляционную шахту.

Ударная волна швырнула штандартенфюрера на куб. Тишина наступила мгновенно, тяжелая и вакуумная. Лемке исчез, растворившись в пространстве, брошенный в неизвестность кубом. Лишь тело Штеффенберга, так и не познавшего такую близкую тайну, смотрело застывшим взглядом на несокрушимый монолит.

Позже над заваленным входом завыл балтийский ветер, замечая песком следы последнего боя. Он старательно начал прятать форт под ковром из сорняков и морского песка на долгие десятилетия.

В абсолютной темноте замурованного зала куб стоял среди обломков. Он словно терпеливо ожидал того момента, когда случайный искатель приключений потревожит его покой.

Глава 3

Балтийское море 2015 год

Два мотора «Ямаха» за кормой надрывались, пытаясь вбить катер в серую балтийскую воду. Брызги холодили лицо Богдана. Он выжимал из своего кораблика всё, на что способны японские двигатели и гидродинамика корпуса. По пайолу перекатывались тяжёлое снаряжение для дайвинга и пара мешков с янтарным сырцом. Сзади скакал по волнам чёрный силуэт судна преследователей. Янтарная мафия не прощала заходов на свои делянки. Богдан залез не просто в чужой огород. Он наткнулся там на нечто, не поддающееся простой оценке в каратах. Пуля разбила ветровое стекло. Богдан ещё сильнее сжал штурвал. Он проклинал тот вечер, когда за бутылкой коньяка выложил профессору истории сведения об обнаруженном им заваленном секторе форта «Западный». Бывший диверсант привык доверять людям науки. Однако старик оказался слишком болтлив или слишком напуган. Теперь за Богданом шёл хвост из подонков, для которых человеческая жизнь стоила дешевле мешочка мелкой янтарной крошки. Перед глазами же всё ещё стоял тот янтарный куб из форта. Он не был похож на обычный самородок. Казалось застывший свет заперт в капсуле древнего бога. А размеры просто поражали. Ветер со стороны Балтийска нес запах солярки и грозы. Небо слилось с морем в единую серую стену. Богдан понимал, что на открытой воде его достанут быстро. У преследователей катер был мощнее. Единственным шансом оставалось скрыться в лабиринтах форта на Балтийской косе. Он сбросил газ, закладывая крутой вираж. Борт черпнул холодной воды. Богдан направил катер туда, где среди дюн чернели останки немецких укреплений. «Дурак ты, Богдан, ведь старлей запаса, а ведёшь себя как пацан», — зло подумал он. Сердце колотилось в такт ударам корпуса о волну. В голове пульсировала напыщенная фраза профессора о «механизме древних». Он тогда посмеялся. Сейчас, когда преследователи начали сокращать дистанцию, было не смешно. Впереди показался пролом в бетонном моле. Богдан понял, что, либо он нырнет в эту щель, либо его катер превратится в решето под огнем. Куб ждал там, в темноте разрушенного форта, который защищал от моря этот самый мол.

Богдан резко рванул рычаг, сбрасывая ход до малого. Катер, зарывшись носом в массивную прибрежную волну, тяжело качнулся. Руки работали на автоматических навыках, вбитых годами службы в ПДСС: застегнуть фастекс компенсатора, открыть кран на баллоне, закинуть его за спину, натянуть маску. Катер преследователей за кормой вырос, обрастая деталями. Звук форсированных движков перекрывал стон ветра. Времени нет.

Штурвал заклинен куском верёвки, пустая посуда пошла напрямиком на каменистую отмель. Не оглядываясь Богдан перевалился через борт. Ледяная балтийская вода обожгла лицо. Мгновенно ушли головы лишние мысли, оставляя только рефлекс диверсанта. Свинец грузового пояса привычно потянул вниз. Над головой пронёсся катер, уходящий вслед за приманкой.

Море приняло его упруго в свои объятия, лишая возможности что-либо слышать. Кроме стука собственного сердца. А теперь еще и видеть, ведь включенный фонарь мог и выдать. Богдан с трудом ориентировался по подводной части мола, двигаясь к знакомой дыре в стене форта. Нащупав запомнившиеся куски торчащей арматуры, он с трудом протиснулся в отверстие дренажного тоннеля, ведущего внутрь форта. Добравшись наконец до помещения, где был воздух, Богдан с наслаждением стянул маску и смог вздохнуть без загубника.

Богдан выбрался на бетонный уступ. Откуда-то из глубины форта донесся топот берцев. Преследователи оказались быстрее, чем он рассчитывал. Да, мафия не жалела денег на бывших спецов с военным опытом.

Первый вынырнул внезапно, пройдя маршрутом Богдана. Однако кулак Богдана встретил его челюсть раньше, чем зрачки успели адаптироваться к полумраку. Следующий удар

в висок оборвал карьеру бандита. Тело в гидрокостюме обмякло, сползая обратно в мутную жижу. Вторым пытался вскинуть «Витязь». Богдан ударил на опережение — локоть в кадык. Следом захват и резкий рывок шеи в сторону. Готов. Богдан вырвал автомат из пальцев мертвеца и нащупал на его разгрузке тяжёлое яйцо гранаты РГД-5. В этот момент из дальнего конца коридора ударил сноп света мощного фонаря. Раздалась очередь. Бетонная крошка брызнула ему в лицо. «Работаем!» — донеслось эхо выкрика. Их было как минимум четверо. Они зажимали его в угол, методично отсекая пути к отступлению. Остался один выход. Богдан не хотел этого делать — старый форт и так дышал на ладан. Но выбора не осталось: пули свистели в сантиметрах от головы. Он выдернул чеку, выдержал две секунды и швырнул гранату под ноги наступающим. Взрыв в замкнутом пространстве каземата прозвучал как удар колокола, раскалывающего мир. Весь южный коридор форта «Западный» содрогнулся. Многотонные бетонные плиты, подточенные солью и временем, начали обвально складываться внутрь. Выход и те, кто пытался в него ворваться, были замурованы.

Богдан попятился. Воздух превратился в серую взвесь, где луч фонаря беспомощно исчезал. Он прошёл в тот самый каземат, где стоял янтарный монолит. Богдан ещё никак не мог остановить спринтерский рывок разогнавшегося сердца, и шаг его был неуверенным. Стопа скользнула по склизкому бетону, зацепившись за что-то сухое и ломкое. Белое ребро скелета хрустнуло под весом гостя. Потеряв равновесие, он упал вперед, выставив руки, чтобы не расшибить лоб об острый угол монолита. Богдан навалился на гладкую грань.

Ладони, содранные о бетон и покрытые кровью, опёрлись на янтарную поверхность. Она мгновенно стала тёплой. Гул в ушах сменился звоном. Под пальцами Богдана показались алые вспышки: камень распознал его ДНК. Машина, дремавшая столько лет в ожидании именно такого контакта, узнала хозяина. Она идентифицировала единственную заложенную тысячелетия назад программу при таком эмоциональном всплеске: эвакуация.

Мир вокруг Богдана просто исчез. Тяжёлый бетон форта превратился в прозрачную пыль. Пыль испарилась. Его швырнуло, лишив веса и опоры. В следующее мгновение он уже нёсся сквозь ослепительный тоннель. Стены состояли из чистого света. Трофейный автомат на ремне пытался рассыпаться на атомы, он с трудом выдерживал переход в иное измерение.

В этом сверкающем коридоре не было верха и низа. Монолит, ставший теперь проводником, забросил его сквозь пространство. Казались несуществующими заваленный форт и балтийские мафиози. Он нёсся туда, где история Земли была лишь страницей в многотомной летописи вселенной. Богдан закричал, но звука не было — только свет был вокруг, без воздуха.

Глава 4

Фаэтон 100 веков до нашей эры.

Богдан очухался рядом с близнецом янтарного монолита. Просто охреневший от произошедшего перемещения. Жадно вдохнул. Эфирный сгусток еще секунду удерживал его тело в парящем состоянии. Но вот поле исчезло, а он упал на колени. Голова гудела как колокол. Воздух здесь был сухим и обжигающе холодным. Пахло чем-то приторно сладким. Это совсем не похоже на запахи сырых казематов форта.

— Кто еси ты? — Резкий окрик заставил Богдана поднять голову. Перед ним, держа в руке то ли массивный посох, то ли копьё, замерла девушка. Она была похожа на героиню компьютерной игры. Такая необычная и прекрасная. Её глаза, огромные и чуть испуганные, как бы светились в полумраке зала фиолетом. На ней была вроде бы броня из матовых пластин. Это одеяние слегка вибрировало в унисон с затихающим гулом монолита.

Неимоверно болела голова. Богдан попытался что-то сказать, но вырвался лишь хрип. Темпоральный дрейф выжал из него все силы. Остались лишь рефлексы бойца, как у боксёра после нокаута. Он потянулся к кобуре, а её не было. Ткань гидрокостюма расплавилась по краям, превратившись в блестящую корочку. Девушка отшатнулась, её посох загудел, став готовым для атаки. Внезапно она замерла, глядя на верхнюю грань монолита. Там пульсировали руна «якоря» и руна многотысячелетнего временного сдвига. Эта картина невероятно поразила её. Многотысячелетнего!

Богдан смотрел на неё зачарованно. Иррациональная симметрия её черт и эта странная, архаичная речь рождали лёгкий восторг в его душе. Даже голове стало полегче. Всё вокруг казалось странным и ненастоящим. А вот жар, исходящий от этой девушки, ощущался реально. Она опустила своё оружие, осторожно приблизилась к пришельцу. Её лицо выражало смесь благоговения и ужаса перед тем, что нарушило законы Ордена. На её глазах произошло невероятное.

— Пришел ты из „тишины“, из мира того, что мнили мы лишь преданием отцов наших, — прошептала она, — Устройство моё настроено было на связь с братом своим на Земле. Но ты не один из атлантов. И как ты прошел через бездну лет, странниче? Мы, противники Гула, умеем перемещаться лишь в пространстве. Тайны времени были сожжены Жрецами еще до великого Гула. В очах твоих — заря грядущего, коей ещё не зрел Фаэтон.

Богдан с трудом слотнул противную сухость. Фаэтон! Ни хрена себе. Неужели та самая планета из забытых легенд?

Он посмотрел на неё и почувствовал, что в груди появилась незнакомая доселе тяга. Это был не животный инстинкт, а узнавание своей половинки на духовном уровне. Казалось его душа наконец-то нашла гармоничный отзвук именно в этой женщине. Он хотел сказать, что он всего лишь бедолага, оказавшийся в непонятном месте. Но его красноречию не было возможности проявиться сейчас. Слова застряли в горле, вытесненные её близостью и странным, вибрирующим теплом её кожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.